

Ефим Гаммер
Стиходжаз

Книга двадцать шестая

Москва, 2021

УДК 821.161.1-1 Гаммер
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г18

Книга издана в рамках
конкурса одного лирического стихотворения
«**Моё солнcestояние**»

Ефим Гаммер. Стиходжаз

Книга стихотворений. — Москва: издательство «СТИХИ», 2021. —
44 с., ил. — Серия «Сингл» (The Single). Книга двадцать шестая. —
Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».

ISBN 978-5-6046624-9-6

Ефим Аронович Гаммер — член израильских и международных Союзов писателей, журналистов, художников. Автор 28-ми книг стихов, прозы, очерков, эссе. Книга стихов «Стиходжаз» выпущена в качестве приза за победу в конкурсе издательства СТИХИ «Моё Солнcestояние».

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
.....
Делаем преимущества
очевидными

© Ефим Гаммер, текст, 2021
© Издательство «СТИХИ», 2021
© Алла Пospelова, составление, 2021
© Арсений Ли, дизайн серии, 2021
© Дизайн-бюро «Революверарт», 2021

I. Иное измерение

СТИХИ
• ИЗДАТЕЛЬСТВО •

Рига

В Старой Риге, возле синагоги,
наплывает детских мыслей дым.
Здесь сбивал я о булыжник ноги —
босиком бежал в Иерусалим.
Не сбежать до времени из детства,
приведут дороги в новый дым.
Замкнут детством? Никуда не деться,
и теперь, как встарь, — в Иерусалим.

Г. Л.

Дыханье — в изморозь тоски,
моленью — век, но чувство боя
ведёт излучиной реки
в Ковчег сегодняшнего Ноя.
Поднять под утро паруса,
дождаться бриза и в дорогу —
за горизонт, где ждёт гроза
и разговор о жизни с Богом.

И там, и здесь

И там, и здесь,
 в пространстве немоты,
 где метрономы
 тормознули время, —
 ни воздуха,
 ни хлеба, ни воды,
 а люди безъязыки,
 эхо немо.

Не оглянуться,
 не шагнуть вперёд,
 не раздвоиться,
 не родиться снова.

Да кто же я?
 Представьте, я — народ.
 И что мне зрелища,
 когда в начале — слово?

Р. Л.

Я люблю простую нашу жизнь,
 миражи изменчивого мира,
 хитроумность неискусной лжи,
 лотерейный дух чумного пира,
 вседозволенность свободного пера,
 притягательность неведомого быга,
 Дон Кихота и Багдадского вора,
 Клеопатру и Семирамиду.

Я люблю простую нашу жизнь,
 С Львом Толстым, Хемингуэем, Прустом.
 Скину гири. На межи — во ржи
 пусть стоят, чтоб не было там пусто.

А. В.

Адмиралы в тельняшках запревших
выбегают на рей мечты.
Словно парус, растаял подснежник,
с горизонтом не ладят цветы.
Угасают певучие звуки.
Растекается в людях капель.
Заполярье ночует на юге,
а глубины приветствуют мель.
Просолились норд-остом тельняшки.
Просмолился в ночи Зодиак.
Парус солнцем пропах, но — однажды
прорастает сквозь сердце инфаркт.

Иное измерение

В том мире, где живёт душа, —
Ни хлеба, ни вина.
Там не получишь ни шиша,
И будешь умничать, дрожа, —
В том мире, где живёт душа.

В том мире, где живёт душа, —
Ни женщин, ни мужчин.
Там ни войны, ни мятежа,
Ни автомата, ни ножа,
Безделье, сонь и сплин —
В том мире, где живёт душа.

Е. И.

Было так: крутой овраг.
 На изломе — Сведущий.
 Ухайдокали, и — мрак.
 И пустяк: кто следующий?
 За оврагом до сих пор
 прорастают травы.
 И поёт заезжий хор
 вне оврага славу
 то ли русскому штыку,
 то ли пуле вражьей.
 Я молчу. Я берегу.
 Истину. И кашу.

Подмосковье

Всё Подмосковье залито дождём.
 Какое лето, если мокнет небо?
 До перелётных птиц, пожалуй, подождём,
 И в осень удалимся слепо.
 Но вдруг и там не очень повезёт?
 Мороз ударит, снегом запорошит.
 И будешь думать: вот несносный год!
 А жизнь? И жизнь не в жизнь. Так что же, что же?
 Куда податься, коли путь один?
 И завтра — завтра, хоть всегда сегодня,
 Когда проснулся и махнул средь мин
 По бездорожью, будучи свободным.
 Как ни петляй, но к лету добредёшь,
 Пройдя тоску, депрессию и шашни.
 Но если дождь, там снова хлынет дождь?
 Не лучше ли вернуться в день вчерашний?
 Хотя бы потому, что там задор и понт,
 С любым готов был драться динозавром.
 Но ведь мечтал взглянуть за горизонт.
 Так что же, не податься ль снова в завтра?

Кто жив, тот помнит

На той, на этой стороне
 В разрыве молний —
 Стена, и буквы на стене:
 «Кто жив, тот помнит».
 Былое в изморозь тоски,
 И горе в сборе.
 Слова сбегают из строки,
 Чтоб спинуть вскоре.
 Земные росчерки судьбы
 Без даты смерти.
 Никто! Хотя, казалось, был.
 Да, был! Поверьте!
 Пишите буквы на стене
 Для междустрочий.
 Кто жив, тот помнит поступь дней,
 Пришедших с ночи.

День хирурга

Витают в небе световые птицы,
 Заглядывают в окна: тук-постук в стекло.
 Ну, чисто рай открылся из больницы.
 О, Боже, Боже! Как мне повезло!
 Окно, однако, открывать не надо,
 Чтоб хлебцем угостить в отсутствие врача.
 Такие душки, что влетят в палату
 И на седьмое небо втащат сгоряча.
 Пусть там просторно, мило и приятно,
 Плюс истина и высших смыслов взвесь.
 Жизнь на Земле, признаюсь, мне понятней,
 Предпочитаю оставаться здесь.

Разлом

Время теряется в поисках дня —
 То ли удачи, то ли везенья.
 Жизнь замирает, минуты тесня
 К самораспаду и самозабвенью.
 Где я? Какое сегодня число?
 Лето? Весна? Или осень ржаная?
 Зеркало! Глянь, в нём полощется зло,
 С явной издёвкой добро отражая.

Освобождение

I
 Господь ничего не делает сам.
 Он действует через человека.
 Затем и живёт в человеке.
 В каждом.
 Но человек живёт не Господом,
 а его предписаниями.
 И потому Господь
 находится внутри него, как в заточении.
 «Человек, освободи Господа.
 И ты сам станешь Господом».
 От этого призыва,
 звучащего в голове,
 никак не избавиться.
 Но что делать?
 Куда податься?
 Как вернуть себя к состоянию безмятежности?
 Ау, человек!

II

У него неврологическое заболевание.
Он будет защищать себя до последней возможности
и никогда не покончит с собой,
потому что запрограммирован
на выживание в любых условиях.

III

На лице покойника таилась загадочная улыбка.
Интересно, что так развлекает его на том свете?
Не гейши ведь?
Японцем он не выглядит.
Значит...
Кто он тогда?

IV

— Я научился ждать.
Сначала — в миг зачатья,
в надежде, что и я имею шанс.
Затем — в утробе матери,
желая выйти к свету.
Потом — глоток живого молока,
кусочек сахара,

мой первый шаг,
мой школьный двор,
мой институт,
мой горизонт,
и очередь к нему из тысячи людей,
желающих шагнуть на низкий небосклон,
чтоб потоптаться там,
вкусить чуток нектара,
лихой оставить росчерк:
«Здесь были мы».
«Кто?»
«Мы — мы — мы».

V

Мы — дети лунного луча
И солнечной активности.
Живём в квартале Ильича
И прочей красной живности.
Казалось, время против нас.
И вместо парков — паперти.
Но молодеющий маразм
Спасёт от «подлой» памяти.

VI

Старому писателю
 по окончании работы над романом
 о безумном столетии —
 порождении Октябрьской революции —
 прислали на дом бесплатную домработницу,
 чтобы она навела чистоту и порядок в квартире.
 Старый писатель,
 чтобы не мешать домработнице,
 ушёл в кино.
 После сеанса, когда вернулся домой,
 рукописи романа на письменном столе не обнаружил.
 — Где она? Где? — занервничал старый писатель.
 — Что? Бумага? Она уже была исписана. Вот я её и
 сожгла.

VII

Вольно небу складывать по-птичьи
 крылья ангелов, спустившихся из рая.
 Мой знакомый, звёздного обличья,
 был растерзан, крылья расправляя.
 «На земле, — уча электрошоком,
 говорили мудрецы в погонах, —
 крылья — самолётам, а пророкам...
 для согрева... разве что — попона».

VIII

Заумь ветра,
 прострелы мозга.
 Коронованный вирус
 в лицо.
 А не выпить ли
 просто по сто?
 Вдох да выдох...
 В конце концов,
 как бы ни было,
 жизнь иллюзорна —
 кинофильм,
 что доставлен с небес,
 и с экрана
 лучом живородным
 в наше тело
 сквозь душу влез.
 Смотрим фильм,
 в нём себя выбирая.
 Не моя ли здесь
 кармы кайма?
 Тут лихач подкатил.
 — Кто до рая?
 Про-о-ка-а-чу! Про-о-ка-а-чу!
 Задарма!

IX

Атмосферное давление чуть выше нормы.
Температура ниже дозволенного.
Настроение падает.
Долги растут.
Всё как всегда.

X

А время в том не виновато,
что убегает каждый час.
И от зарплаты до зарплаты,
и по дороге на Парнас.

XI

Никто не говорит,
какой тут яркий свет.
Идут, идут, идут.
А дальше — ров.
Шаги, шаги, шаги.
Сплошная немота.
Никто не говорит,
какой тут яркий свет.

Полёт

Поломка мысли. Сбой в мозгах.
Как будто флешку отключили.
Отричь пустопорожний страх
И в солнечной купайся пыли.
Разгул души, разброс затей.
Кто нам сказал: «Глухи и немые»?
Нет! Нет для нас запретных тем,
Хотя на кой нужны нам темы.
Привольнее под ветром в голове
Лететь к освобождению от плена.
Кто курс подскажет? Нам правей?
«Ну что ж, там море по колено».

Е. М.

Извне — в излучины души,
в целебный воздух.
Магнитной тягой — миражи.
Но поздно в роздых...
Цветёт сиреневый дымок,
меняет лики.
А сердце рвётся между строк
в заблудшем вскрике.

II. Стиходжаз

С. Г.

Тихая, долгая, ночь моя — женщина.
 Время порублено, как топором.
 Чувствую сердце, в нём нам завещано,
 тихая, долгая, ночь моя — женщина,
 не думать об этом, не думать о том.

Тихая, долгая, ночь моя — женщина.
 Слезы втекают в русло удач.
 Вешние воды. Погода потешная,
 тихая, долгая, ночь моя — женщина,
 если проснёшься, прощу я, не плачь.

Телемуки на досуге

Живу один, мечтаю за двоих,
 стихи приходят, прозу разогнав.
 И телевизор вроде бы затих,
 не сообщив, кто виноват, кто прав.

Была измена? Или просто шалость?
 Он с нею спал? А, может, это брех?
 Не разобрать теперь. Какая жалость!
 А впрочем, что мне до чужих утех?

Пришли стихи, а с ними смех и слёзы.
 И слышится сквозь давнюю вину:
 «В твоих глазах ночует осень,
 я пробуждаю в них весну».

Под стук колёс

Г
 Под стук колёс
 В оконной мгле
 Мельком
 Проскальзывают блики.
 Лечу
 По матушке-земле
 Сквозь Балтику,
 Из Петербурга в Ригу.
 Я помню мир
 Без виз и без границ,
 Когда поездки
 Были вроде спорта.
 Считаю, что ты
 Из перелётных птиц,
 Без паспорта,
 Без визы и досмотра.
 Лечу по рельсам,
 Вспоминая вновь,
 Что в давний мир
 Меня сманила снова
 Не жажда приключений,

А любовь —
 Длинною в жизнь,
 Пусть в ней всего в три слова:
 «Люблю и жду»!
 Ну что ещё в раздраз?
 «Достать чернил и...»
 Нет, не стану плакать.
 Сто капель коньяка,
 Горячий чай
 И тульских пряников
 Подслащенная мягкость.
 Какая тьма!
 Какой нас ждёт рассвет?
 Но рельсы не свернут,
 К былой веда Отчизне,
 Туда, где нам
 Совсем немного лет,
 И, словно рельсы,
 Параллельны жизни.

II

Всё призрачно,
 Что вижу я в былом.
 Колеблемый
 Незримыми ветрами,
 Лечу к тебе.
 А жизнь, меняя рамы,
 Идёт во мне —
 Притворна! — напролом.
 И лицедействует,
 Как в драме,
 Житейским
 Политой дождём.

III

Немыслимо, но я живу былым,
 Как телеграмма — давними словами.
 Лечу к тебе. Но как развеять дым?
 Пробиться как? В неясной панораме
 Я различаю губы и глаза.
 Они твои, зато морщинки — «наши».
 О, не старей! Тебе стареть нельзя.
 И без того себя уже ты старше.
 Из круга жизни, общих зим и лет,

Ты в круг иной вошла — в моё былое.
 Любовь! Я постигаю твой рассвет
 Не на рассвете... Позднею порою.
 Мой поздний час, вновь чувства прояви,
 Чтоб, опалённый невозможной ранью,
 С любимую я снова был на «Вы»,
 Как в первый день, за век до расставанья.

IV

Мою печаль, как памятную шаль,
 Накинула твоя печаль на плечи.
 Мне жаль, мне жаль, тебя мне снова жаль.
 Но чем помочь тебе? Помочь мне нечем.
 Пройдут века, и на земле людей
 Не станет больше зла противоречий.
 Мне жаль, мне жаль, но мир во тьме идей.
 Так чем помочь тебе? Помочь мне нечем.
 Дарю печаль, как памятную шаль.
 Но вряд ли эта шаль тебя излечит.
 Мне жаль, мне жаль, тебя мне снова жаль.
 Но чем помочь тебе? Помочь мне нечем.

Стиходжаз

Одностроки и импровизация на его тему

Познание

*Я знаю только то, что ничего не знаю.
Сократ (470—399 до н. э.).
Древнегреческий философ.*

Судьба моя размечена тобой.
А мне дано не жить своей судьбой,
тобою жить, себя не постигая.
Не пройдено. Не вымерено. Снова
земная боль душевной слепоты.
И ты... И ты... Всего лишь только ты...
А жизнь всего лишь — обретенье слова
на горсть годов, до окончания срока,
отмеренного с выходом на свет.
И нет, и нет ни Пушкина, ни Блока,
как нет и Бога, если Бога нет.
Я знаю всё, я ничего не знаю...

Философия

*Если сказано Ты, то вместе с этим сказано Я.
Мартин Бубер (1878-1965). Философ,
первый президент Академии наук Израиля.*

И я, и ты... Бескормица свобод.
И я, и ты... Разомкнуто пространство.
И я, и ты... А с нами небосвод,

и светизна, и простота убранства.
И я, и ты... Не старимся, дожив
до возраста, достойного пророка.
И я, и ты... И пусть за смертью — миф.
Но что нам миф, важнее нам дорога.

На срезе лет, сквозь толщи мирозданья,
в горячечном дыхании ночей,
живой и в мёртвом — данностью преданья
и данностью оплавленных свечей,
я — вечность, слово и прочтенье,
ты — постижение, логика, резон.
Я — перебор, сечение, разлученье.
Ты — приговор, расплата и разор.
Я — человек, ты — истина познания.
Наш век размечен у древнейших стен.
Мы — алеф-бет, пролог сказанья,
земная ось израилевых колен.

Б. В.

Ну что ты хочешь? Нет ведь ничего.
 Жизнь — каламбур, игра, всего лишь мета,
 разбойный дух генезиса и клеток,
 инстинкт мыслительный, придаток речевой.
 Ну что ты хочешь? Трещина в стене,
 погасла люстра, потерялось слово.
 Вдруг телеграмма. И рожденье снова.
 Ау! Где осень? Дышится к весне.

Р. Г.

Пели тесно. Тризна, тресни!
 Пили грустно-грузно-честно.
 Шли... а путь издомный — крестный,
 и порой приводит в бездну.
 Вытравливали поле кровью,
 отравляли долю новью,
 оплавливали в слезах вдовьих
 зарубежья — не родовья.
 Пили-пели-пули-поле.
 Пали в схватке с мёртвой далью.
 Жизнь — ристалище. Доколе
 закаляться людям сталию?

Джазовая композиция на тему

«Былое и думы»

Тема

Всё призрачно,
 что вижу я в былом...
 Колеблемый
 незримыми ветрами,
 иду сквозь жизнь.
 А жизнь,
 меня рамы,
 идёт во мне —
 и тоже —
 напролом.

Импровизация первая:

Рояль

Страдать, стыдиться, увядать
 и сознавать тайком,
 что больше, чем случилось знать,
 не знать уже потом.
 На болевые рубежи
 не побежать стремглав,
 клочки израненной души

лечить настоем трав.
 Не изыскать в себе путей —
 неведомых, как встарь.
 И ощущать среди людей
 сгоревшей тайны гарь.
 Страдать, стыдиться, увядать
 и строить мёртвый дом,
 где больше, чем случилось знать,
 не знать уже потом.

Импровизация вторая:

Саксофон

В строке не сыскать нам
 уютного слова,
 такого родного —
 не слова, а крова.
 И мучиться, мучиться,
 мучиться снова,
 как будто мученья —
 основа живого.
 Куда ни податься,

Везде мы «не здешни»,
И всюду нам «здесьние»
сны безутешны.
А вешние ветры,
как прежде, поспешны.
Но наши углы
уже вовсе не смежны.

Импровизация третья:

Контрабас

И на той, и на этой
чужбине
плачут козыри
битыми картами.
Обернулись
Ваалы Астартами,
запекаются идолы
в сплине.
Заплутали
заёмные боги
на дороге,
датами высланной.
И подобно

последнему выстрелу,
при последнем
затеряны вздохе.

Импровизация четвёртая:

Кларнет

Поднимался
паводком души
и кружил
по суводи рассвета.
Если и случались
миражи —
не на лыжи,
больной
тоской и бредом.
Если и случались —
за гроши
миражи
я раздавал поэтам.

Импровизация пятая:

Ударные

Мёртвые
сраму
не имут.
Мёртвые
кости
не стынут.
Мёртвое
сердце
не греет.
Мёртвая
совесть
молчит.

Автор композиции

Астрономы,
сидящие
под блестящими на солнце
куполами глаз
моей возлюбленной,
обнаружили
на расстоянии
тысячи парсеков

голубые туманности —
мой
голубые глаза.
И все они
тотчас
были удостоены
Нобелевской премии —
стоило мне
всего раз улыбнуться...
Посмеёмся над этим,
друзья.

Б. Г.

Завёрнутый в движенья дирижёр
заводит публику намеренным экстазом.
Он режет музыку отточенным алмазом,
он прогребается к финалу брассом,
И... пауза... затем вступает хор.
И всё! Нет больше волшебства для глаза.
Искусство, жизнь и приговор.

Ефим Аронович Гаммер
«СТИХОДЖАЗ»

18+

Серия «Сингл» (The Single). Книга двадцать шестая.
Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».
stihi.store
revolverart.ru

Арт-директор, автор макета: Арсений Ли
Концепт-директор: Андрей Пермяков
Главный редактор: Алла Поспелова
Продакт-директор: Елена Фролова
Автор концепции и названия: Роман Рубанов
Вёрстка: Роман Шишкин
Корректор: Кира Османова
Логистика: Георгий Цедилкин

Бумага офсетная
Гарнитура Tivvia
Тираж 100 экз.

Издательство «СТИХИ», Москва
141705, Россия, Мытищинский р-н,
с. Виноградово, пер. Ручейный, 17А
тел.: +7 (926) 221 1816
почта: lee@revolverart.ru